УДК 347.921.4 https://www.npzhdialog.ru/21-2026

Основания возникновения судебного представительства в гражданском процессе: теоретико-правовой аспект

Рассахатская Наталия Александровна,
доцент кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия,
кандидат юридических наук, доцент

Самофалова Марина Андреевна,
магистрант, Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье рассматриваются основания возникновения судебного представительства в гражданском процессе Российской Федерации. Исследуются договорное, законное представительство и представительство по назначению суда, закрепленные гл. 5 ГПК РФ. Отдельное внимание уделено действующей модели профессионального представительства, введенной Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. N 451-ФЗ и применяемой с 1 октября 2019 г. Требования к квалификации представителя распространяются на гражданские дела, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами. Анализируется дальнейшее развитие профессионализации судебного представительства, включая переход от образовательного ценза к обсуждаемой модели преимущественного допуска адвокатов. Сделан вывод о необходимости согласования требований к представителю с основаниями возникновения его полномочий и гарантиями доступности юридической помощи.

Ключевые слова: судебное представительство, гражданский процесс, основания представительства, представитель по назначению суда, законное представительство, профессионализация представительства, доступ к правосудию.

Требования к профессиональной подготовке судебного представителя закреплены в ГПК РФ с 2019 г. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. N 451-ФЗ [8] изменил ст. 49 Кодекса, установив образовательный ценз для лиц, оказывающих юридическую помощь при ведении гражданских дел. Ограничение распространяется не на все суды. При рассмотрении дела мировым судьей или районным судом наличие высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности от представителя не требуется. В остальных случаях представитель должен иметь соответствующее образование, ученую степень или статус адвоката.

Профессионализация поэтому уже является частью действующего процессуального регулирования. Сейчас обсуждается иной вопрос — насколько далеко могут быть расширены установленные ограничения и следует ли связывать судебное представительство преимущественно с адвокатским статусом. Обращаясь к основаниям возникновения представительских полномочий, нельзя смешивать две самостоятельные категории. Положения гл. 5 ГПК РФ [1] определяют, вследствие каких юридических обстоятельств лицо получает полномочия представителя, а ст. 49 устанавливает требования к субъекту, допускаемому к ведению дела.

В гл. 5 ГПК РФ предусмотрены договорное, законное представительство и представительство по назначению суда. Основания возникновения полномочий у перечисленных представителей различаются. При договорном представительстве полномочия возникают по воле доверителя, при законном — непосредственно в силу закона, а в случаях, предусмотренных ст. 50 ГПК РФ, представителем назначается адвокат. Различия между перечисленными основаниями приобретают значение при рассмотрении вопроса о профессионализации судебного представительства. Законодатель устанавливает неодинаковые требования к представителям, однако дальнейшее ужесточение правил допуска к ведению гражданских дел обсуждается преимущественно применительно к договорному представительству.

Расширить действие образовательного ценза Верховный Суд Российской Федерации предлагал еще в 2022 г. Законопроект, внесенный постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. N 32 [6], предусматривал распространение профессиональных требований и на представителей по делам, рассматриваемым мировыми судьями и районными судами. Инициатива вызвала спор. М. Н. Толчеев поддержал повышение требований к квалификации представителей, тогда как Т. В. Сахнова связывала дальнейшее ограничение круга возможных представителей с риском сокращения процессуальных гарантий.

Действующая редакция ст. 49 ГПК РФ сохраняет иной подход. Образовательный ценз по-прежнему не распространяется на дела у мировых судей и в районных судах. Гражданин может поручить ведение такого дела дееспособному лицу без юридического образования, надлежаще оформив его полномочия. При дальнейшем рассмотрении спора в суде, где применяется ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, к представителю предъявляются уже профессиональные требования. Один гражданский спор поэтому может сопровождаться различными условиями допуска представителя в зависимости от суда, рассматривающего дело.

К 2025–2026 гг. предмет обсуждения изменился. Минюст России подготовил законопроект о профессионализации судебного представительства на базе адвокатуры [11]. Проект предусматривает общее правило о наличии у судебного представителя статуса адвоката, сохраняя ряд исключений. Они предусмотрены, в частности, для близких родственников граждан, сотрудников

государственных юридических бюро, штатных юристов организаций, арбитражных управляющих и патентных поверенных. Споры у мировых судей предполагается оставить за пределами нового ограничения.

Экспертное сообщество разошлось во мнениях предсказуемо резко. Первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации М. Н. Толчеев еще в 2022 г. поддержал идею профессионализации, назвав мировых судей и районные суды «последним прибежищем непрофессиональных и неподготовленных участников судебного разбирательства» [3]. Противоположную позицию заняла Т. В. Сахнова, усмотревшая в установлении монополии профессионального договорного представительства нарушение процессуальных гарантий правосудия и разрыв с исторической традицией отечественного цивилистического процесса [7].

Показательно, что вся эта дискуссия целиком разворачивается вокруг одного из трех оснований — договорного представительства — и совершенно не затрагивает два других. Между тем именно расширение образовательного ценза по договорному основанию делает более заметным разрыв между ним и представительством по назначению суда: если для добровольного обращения к представителю законодатель последовательно повышает планку профессиональной квалификации, то единственный механизм, гарантирующий участнику процесса представителя в отсутствие договорных возможностей, — ст. 50 ГПК РФ — остается неизменным с 2014 г. и охватывает лишь один частный случай, никак не связанный с имущественным положением или иной уязвимостью стороны.

Совмещение двух тенденций — ужесточения требований к добровольно избираемому представителю и неизменности перечня оснований для представителя по назначению — порождает структурную проблему, которую доктрина пока обходит стороной, сосредоточившись на споре о цензе как таковом.

Отдельно регулируется бесплатная юридическая помощь. Федеральное законодательство предусматривает категории граждан, имеющих право получить ее за счет государства, в т. ч. в форме представительства в суде. При этом гл. 5 ГПК РФ непосредственно не связывает право на бесплатную юридическую помощь с назначением адвоката по ст. 50 Кодекса. В результате материально-правовая гарантия и процессуальный механизм существуют раздельно. Гражданину, имеющему право на бесплатную помощь, требуется реализовать его в порядке, предусмотренном специальным законодательством; само наличие льготы не влечет назначения представителя судом в гражданском деле.

Разрыв между двумя механизмами становится заметнее при обсуждении дальнейшего ограничения круга судебных представителей. По нашему мнению, расширение оснований назначения адвоката судом можно связать с отдельными случаями предоставления бесплатной юридической помощи. Потребуется точное определение категорий дел и лиц, для которых судебное назначение оправдано. Простого переноса всех оснований из законодательства о бесплатной юридической помощи в ст. 50 ГПК РФ здесь недостаточно.

Наконец, еще одна составляющая проблемы связана с законным представительством. Возможность законного представителя передоверить ведение дела профессионалу (ч. 3 ст. 52 ГПК РФ) при полном освобождении его самого от требований ч. 2 ст. 49 создает своего рода «мягкую зону», не охваченную дискуссией о профессионализации, и именно неопределенность соотношения между этой зоной и предлагаемым цензом является одной из причин, по которой оппоненты законопроекта (в частности, Т. В. Сахнова) указывают на непоследовательность реформы в целом [9].

Действующая редакция ст. 49 ГПК РФ уже основана на дифференциации профессиональных требований. Образовательный ценз зависит от суда, рассматривающего дело, а для ряда представителей закон устанавливает специальные исключения. Поэтому дальнейшая реформа должна решать другой вопрос — насколько оправдано расширение профессиональных ограничений и какими гарантиями будет сопровождаться сокращение круга лиц, способных вести чужое дело.

По нашему мнению, основное внимание необходимо перенести на представительство по назначению суда. Норма ст. 50 ГПК РФ рассчитана на специально предусмотренные законом ситуации и не образует общего механизма предоставления представителя гражданину, который не располагает средствами для оплаты юридической помощи. Связь с законодательством о бесплатной юридической помощи могла бы частично решить проблему. Закрепление дополнительных оснований потребует их точного перечисления в законе, чтобы назначение адвоката судом не превращалось в неограниченное усмотрение.

Профессиональные требования при этом целесообразно отделять от оснований возникновения представительских полномочий. Договор, закон или судебное назначение отвечают на вопрос о происхождении полномочия представителя. Нормы ст. 49 ГПК РФ регулируют другой вопрос — допускается ли конкретное лицо к ведению дела с учетом установленных законом требований. Разделение двух правовых категорий позволяет точнее определить последствия дальнейшей профессионализации для каждого вида судебного представительства.

Таким образом, основания возникновения судебного представительства в гражданском процессе — договорное, законное и по назначению суда — закреплены в гл. 5 ГПК РФ. Формально они прописаны достаточно четко. Однако содержательное наполнение крайне неравномерно. Реформа последних лет затронула прежде всего договорное основание. Представительство по назначению суда осталось без изменений, его охват узок. Связи между процессуальным регулированием и системой бесплатной

юридической помощи не установлено.

Спор о профессионализации ведется преимущественно вокруг субъектного состава представителей. При этом обходится стороной ключевой вопрос: кто и как получит представителя, если невозможно заключить договор с профессионалом? Устранить разрыв необходимо. Речь идет о трех составляющих: дифференцированной модели профессионализации, расширении оснований ст. 50 ГПК РФ, увязке процессуального регулирования с законодательством о бесплатной юридической помощи. Только так заявленная цель — обеспечение реального доступа к квалифицированной юридической помощи — не останется декларацией. Конституционный Суд Российской Федерации [4; 5] и пояснительные записки эту цель провозглашают. Но на практике она достижима лишь для тех участников процесса, кто способен нанять профессионального представителя на договорных началах.

Примечания

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.

2. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1876.

3. Настоятельное веление времени. URL: https://fparf.ru/news/fpa/nastoyatelnoe-velenie-vremeni/ (дата обращения: 30.08.2026).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2004 N 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Российская газета. 2004. N 158.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 N 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К. В. Бударина». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 09.10.2026).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2022 N 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Сахнова Т. В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. N 3.

8. Федеральный закон от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. N 49 (ч. I). Ст. 7523.

9. Федорова Н. А. К вопросу о правовой природе судебного представительства // Образование и право. 2024. N 5.

10. Шеншин В. М., Гавкалюк А. Б. Понятие и сущность судебного представительства // Право и государство: теория и практика. 2025. N 5.

11. Информация Министерства юстиции Российской Федерации от 11.07.2025 «Разработан законопроект, направленный на развитие адвокатуры и профессионализацию на ее основе судебного представительства». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412223160/ (дата обращения: 24.09.2026).

English version

Grounds for the emergence of judicial representation in civil proceedings: a theoretical and legal aspect

Rassakhatskaya Nataliya Aleksandrovna, associate professor of the department of civil procedure, Saratov State Law Academy, candidate of sciences (law), associate professor

Samofalova Marina Andreevna, master’s student, Saratov State Law Academy

The article is devoted to the grounds for the emergence of judicial representation in the civil proceedings of the Russian Federation. It examines contractual, statutory and court-appointed representation, as enshrined in Chapter 5 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the current model of professional representation introduced by Federal Law No. 451-FZ of November 28, 2018 and applied from October 1, 2019. The requirements for the qualification of a representative apply to civil cases, with the exception of cases considered by magistrates and district courts. The further development of the professionalization of judicial representation is analysed, including the transition from an educational requirement to the currently discussed model of preferential admission of advocates. It is concluded that the requirements for a representative need to be aligned with the grounds for the emergence of their powers and the guarantees of the availability of legal assistance.

Keywords: judicial representation, civil procedure, grounds of representation, court-appointed representative, statutory representation, professionalization of representation, access to justice.